

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА

11–12 марта 2019 г. в Институте философии РАН состоялся симпозиум «Нравственная философия и этика», посвященный 80-летию академика РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. Вниманию читателей предлагаются сокращенный вариант материалов симпозиума. Полная версия – доклад академика А.А. Гусейнова и его обсуждение опубликованы в журнале «Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого» (2019. Вып. II (30)). В отличие от сокращенной и переработанной версии, представленной в журнале «Этическая мысль», доклад А.А. Гусейнова на симпозиуме содержал пространную историко-этическую часть, на материале которой он выделил и представил наиболее типичные ответы на ключевой, с его точки зрения, вопрос морали: как субъективно задаваемую нацеленность поступков согласовать с их объективным содержанием, чтобы придать ей общественно значимый смысл? В предлагаемой версии доклад сокращен автором главным образом за счет историко-этической части. Между тем, ряд участников симпозиума в своих выступлениях откликнулись именно на историко-этические рассуждения докладчика. В общем, представляемые материалы – доклад и выступления, даже будучи сокращенными, в полной мере отражают весь круг обсуждавшихся на симпозиуме вопросов и дают целостное впечатление о том интересном научном событии.

А.А. Гусейнов

Нравственная философия и этика: линия разграничения

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, профессор, действительный член РАН, научный руководитель Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: guseinov@iphras.ru

В докладе академика А.А. Гусейнова высказывается идея, согласно которой нравственная философия и этическая теория совпадают между собой предметом, но отличаются методами: первая схватывает поступок изнутри в его первоначальном моральном

генезисе, вторая исследует мораль в ее внешних объективированных формах. Автор опирается на собственную интерпретацию нравственной философии М.М. Бахтина, изложенной в его ранних произведениях «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности». Противоположные стороны поступка, уходящего одним концом в живого индивида, и другим концом – в культуру, обретают внутренний план и целостность на базе персональной нравственной ответственности.

Ключевые слова: моральная философия, этика, поступок, ответственность, М.М. Бахтин

Первое предложение, с которого начинается этика, словно ключ, позволяющий открыть ее дверь, звучит так: этика есть учение о морали. В этом же утверждении заложено недоразумение, будто «этика» и «мораль» – разные понятия. Если учесть, что слово «моральный» является латинским переводом греческого слова «этика», то исходное определение должно было бы звучать так: этика есть учение об этическом. В самом деле, назвав некоторые свои сочинения этикой, Аристотель обозначил так саму изучаемую им в этих сочинениях предметную область: то, что относится к этосу людей. Подобно тому, как наука физика изучает физику, учение о душе изучает душу, так этика изучает этику. Слово «моральный» появляется позже, Цицерон перевел аристотелевский термин на латинский язык и назвал этику «моральной философией».

Исторически сложилась традиция соединения греческого и латинского слов в одном осмысленном предложении: этика есть наука о морали, как если бы они несли различную смысловую нагрузку. Именно так сложилась судьба данных слов в современном русском и других европейских языках. Эта смесь французского с нижегородским, позволяющая называть по-разному науку (этику), которая изучает определенную предметную область, и саму эту предметную область (мораль), не может не сказаться на понимании самого существа дела. Одно лишь наличие разных терминов (слов) для обозначения одного и того же понятия может стать фактором, провоцирующим содержательные различия. К тому же здесь имелся один дополнительный момент.

Цицерон не просто обозначил новую предметную область латинским словом «моральный», он еще указал на то, что эта область относится к философии, и назвал этику моральной философией. Аристотель, разумеется, также мыслил этику как часть философии, но, тем не менее, в самом термине такого указания на родовой признак не было. Цицерон своим переводом обогатил понятие этики, как если бы к собственному имени сына было добавлено имя отца. В результате «этика» получила второе имя и стала называться также «моральная (нравственная) философия». Хотя оба термина – «этика» и «моральная философия» – выражают одно и то же понятие, являются, в общем и целом, идентичными, возникшими в результате простого перевода, тем не менее, со временем ни один из них не стал рассматриваться как избыточный. Между ними есть то очевидное различие, что, хотя они имеют в виду один и тот же предмет, тем не менее, термин моральная философия акцентирует внимание на родовом признаке, а этика – на видовом различии.

Этика, с одной стороны, имеет дело с разнообразными нравами (нормами, поступками, оценками и т. д.), которые люди реально практикуют в обществе,

а с другой стороны, рассматривает поведение людей под углом зрения того, что они должны делать, чтобы их жизнь была совершенной. Одно дело, когда люди выстраивают свои отношения в соответствии со своими интересами, обстоятельствами, возможностями и закрепляют их в совместном общественном опыте, другое дело, когда они руководствуются тем, что предписывается им истинным философским разумом. Это расхождение между объективной внешней логикой самой морали и ее философской нормативной программой, расхождение, известное нам как противоречие между сущим и должным, является внутренним напряжением этики, с которым она в тех или иных формах имела дело на протяжении всей истории и который она не смогла преодолеть до настоящего времени¹. Я предлагаю пойти дальше и рассматривать моральную философию и этику не как два разных уровня (аспекта) одной и той же дисциплины, а как две разные дисциплины. Такое понимание лежит в основе философии поступка М.М. Бахтина, считающего, что нравственная философия и этика имеют дело с одним и тем же предметом – нравственностью (моралью), но различаются методами: нравственная философия относится к домену философии, а этика – к домену науки, является родом теоретизма подобно любой другой науке².

* * *

Этика возникла и исторически развивалась как составная часть (аспект) философии, она до настоящего времени рассматривается как синоним практической философии, понимаемой как философия в ее приложении к области человеческой свободы. В той мере, в какой свобода человека тождественна его морали (нравственности), практическая философия может быть названа нравственной философией и философией морали. Что представляет собой нравственность (мораль) или то, что относится к нравственности, и составляет общий предмет нашей науки?

При всем разнообразии мнений по этому вопросу в специальной литературе и среди обычных людей, которые практикуют нравственность и имеют свои представления о ней, хотя и не теоретизируют по ее поводу, можно выделить ряд ее общих несомненных признаков. Она является категорией практики, деятельности, составляющей ее имманентное свойство разделять все предметное

¹ Хотел бы обратить внимание на дискуссию 10-летней давности. В ней шла речь о специфических признаках, в силу которых этика является философской наукой. Там, в частности, была высказана точка зрения, что в той мере, в какой этика предлагает свою собственную нравственную нормативную программу, она может получить обоснование в контексте философии в целом: уходит своими корнями в метафизику и получает завершение во внеэтической сфере. Этически должное вырастает из глубин самой философии (см.: Гусейнов А.А., Разин А.В., Бродский А.И., Лобовиков В.О., Апресян Р.Г., Гельфонд М.Л. Философская этика и её перспективы в современном мире (Круглый стол к 10-летию ежегодника «Этическая мысль») // *Этич. мысль / Ethical Thought*. Вып. 12. М., 2012. С. 5–33).

² См.: Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 7–68; Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 69–263.

многообразие мира на два больших класса: добро и зло. Это разделение вытекает из целесообразного характера человеческой деятельности, из той ее особенности, что в ней причинность задана как цель, которой руководствуется действующий индивид. Речь идет не о том, что конкретно является добром и злом и, соответственно, позитивной или негативной целью деятельности, а о самой способности и необходимости выстраивать свою деятельность по этим осям. Это закрепляется в индивиде механизмами долга и совести, придающими ему особое достоинство нравственного субъекта. Сами эти понятия добра и зла, совести, долга, достоинства, как и стоящие за ними поведенческие схемы, никем (даже теми, кто считает их фальшивыми,) не оспариваются в качестве маркеров, позволяющих идентифицировать пространство нравственности. Нравственность, таким образом, обозначает особый аспект человеческой практики, заключающийся в том, что индивид, действуя, исходит из самого себя, что он не может не ориентировать себя в координатах добра и зла и не может не нести в себе следы того, как он это делает.

Кто выбирает, тот мучается (*wer die Wahl hat, hat die Qual*), говорит немецкая пословица. Люди заметили и на уровне обыденного сознания зафиксировали, что часто их желание добра оборачивается злом, душа мучается угрызениями совести тогда, когда, казалось бы, должна прыгать от радости, долг оказывается тяжкой ношей. Оказалось, что нравственность, будучи укорененной в воле действующего субъекта, связана также с истиной, имеет свои объективные параметры. Логикой самого бытия человек оказывается перед проблемой того, как ему ориентировать себя в мире и, прежде всего среди людей, через посредство отношений, с которыми он только и имеет дело с миром, чтобы его желание добра не оборачивалось злом? Какими правилами, каким нравственным законом ему необходимо для этого руководствоваться? Вершина, до которой поднялась нравственная практика в поисках ответа на этот вопрос, – это правило, представленное во всех мировых (и не только мировых) религиях и культурах и в нашу рыночную эпоху получившее название золотого: как вы (не) хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы (не) поступайте с ними.

Быть причиной своих суждений и действий, связывающих тебя с другими людьми и создающих свой собственный человеческий мир – это и значит быть моральным. Кратко мораль можно было бы определить как такой индивидуально ответственный способ существования индивида в мире людей, который придает ему новую, только ему свойственную конкретность. Она является особым типом связанности индивида с другими людьми, суть которого в том, что индивид рассматривает мир людей, в котором он живет, в качестве *своего* мира, так, как если бы он сам создавал его своими поступками. В соответствии с такой диспозицией индивид расчленяет собственные поступки на два больших и предельно общих класса – на добрые (добродетельные) и злые (порочные), обозначающие соответственно их позитивность и негативность: то, что индивид должен делать и что он должен не делать, выстраивая свои отношения с другими. В эти рубрики укладывается всё, что делает индивид, все формы его сознательной деятельности, в силу чего само его бытие приобретает моральный характер. Он не может не стремиться к добру, ибо добро и есть

то, к чему он стремится, и точно так же он не может не избегать зла, ибо зло есть то, чего он избегает. Можно думать, в мире не было такого зла, которое не выдавало бы себя за добро.

* * *

Моральные поступки – не особый класс поступков, а особый ракурс их рассмотрения, особое измерение всего, что индивид сознательно совершает, подчеркивающее его отнесенность к данному индивиду как к их причине, как к инстанции, которая ответственна за них. В строгом смысле слова моральных поступков как самостоятельных предметов не существует; в этом смысле стоики, которые отличали правильное, равное самому себе усилие, сопровождающее жизненную активность индивида, от самой этой активности в ее материальном (эмпирическом) содержании, или Кант, который сомневался в возможности действий ради долга, выражали реальное своеобразие включенности морали в бытие человека. Понятие морального поступка – это, в известном смысле, условное выражение, на самом деле речь идет об особом аспекте любого поступка, указывающем на его персональный источник и отвечающий на вопрос о том, кто его совершил. Следует различать генезис поступка, за которым стоит конкретный живой индивид, от его предметного содержания: в одном случае речь идет о том, кто совершил поступок, кто привнес его в мир, в другом – о том, каково его содержание, как он вписался в мир. Это различие прекрасно выразил Бахтин, говоря, что поступок, словно двуликий бог входов и выходов, «глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни»³. Можно провести такой умственный эксперимент: из отношений человека к другим людям мысленно вычесть (вынести за скобки) все их многообразное предметное содержание, все то, по поводу чего они строятся и в силу чего они приобретают конкретность, становясь родственными, служебными, дружескими, любовными, личными, официальными, финансовыми, земляческими, гражданскими, политическими, научными, преступными и т. д. и т. п. Возникает вопрос, что останется в них после такой редукции? Ничего, кроме самой абстрактной отнесенности к другим. Именно эта чистая идея связанности с другими и есть моральное отношение, предшествующее всем возможным конкретным отношениям с ними, составляющее, если воспользоваться метафорой ткацкого искусства, основу, на которой завязываются узлы отдельных поступков и вышивается рисунок жизни.

Ключевой (центральный) вопрос морали состоит в следующем: как субъективно задаваемую моральную нацеленность поступков согласовать с их объективным содержанием, чтобы придать ей общественно значимый смысл? Как индивиду справиться с лежащей на нем (возложенным самим его бытием) ответственностью, вести себя так, чтобы она получила продолжение в поступках других? Что нужно делать, чтобы стремление индивида к счастью не обернулось великим несчастьем, как произошло с царем Крезом, чтобы копье,

³ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 7.

брошенное атлетом во время состязаний, не убило Эпитима из Фарсала, как это произошло в случае, который, по свидетельству Плутарха, целый день обсуждали Перикл с Протагором, чтобы рассуждающих обо всем этом философов не изгоняли из города, как Протагора, не казнили, как Сократа, и не продавали в рабство, как Платона? Проблемная ситуация, созданная возникновением морали, стала одной из основных причин, положивших начало этике как особой области теории, и центральным темам, определившим направленность ее исследовательских усилий. Если попытаться бросить общий взор на развитие европейской этики, как она сложилась, начиная с античности, то можно в интересующем нас вопросе выделить ее несомненную преобладающую тенденцию. При всей оригинальности отдельных учений, различии и даже полярности сложившихся традиций, их внутренней полемике, этика развивалась как теоретическая дисциплина, рассматривала мир человеческих поступков как некую данность, пыталась обобщить его в устойчивых закономерных связях и найти пути приведения человеческих стремлений в соответствие с этими закономерностями. Этика пыталась найти общезначимую истину практического разума и в подавляющем большинстве случаев сама формулировала программу должного (правильного, достойного) поведения. В этом смысле она была на стороне общества, на стороне истины, выступала в роли учителя по отношению к живым индивидам, действующим, что называется, на свой страх и риск, несущим бремя бытийной ответственности. Она претендовала на то, чтобы думать за них, говорить им, что они должны делать. Хотя многие философы придавали своим этическим теориям личный нравственно обязывающий смысл и выстраивали свою жизнь в соответствии с собственными учениями, тем не менее, сам их индивидуальный опыт приобретал достоинство теоретически значимого аргумента. Диоген жил в бочке, но не забудем, что бочка эта находилась на многолюдной городской площади, и в этом смысле он практиковал как теоретик, придавая своей жизни достоинство аргумента.

* * *

Бросая предельно общий ретроспективный взгляд на развитие этики, следует отметить, что она, в целом, на всех этапах и во всех разновидностях понимала мораль (нравственность) как практические отношения между человеком (индивидом) и другими людьми. Это придавало и придает ей предметное единство. В конкретной интерпретации этих отношений существовали, конечно, различия и достаточно важные, в частности, можно выделить две тенденции, которые не были ни четко выделены, ни ясно сформулированы, но, тем не менее, всегда были представлены в реальных этических учениях в той мере, в какой эти последние были частью философии. Их можно условно обозначить как философско-индивидуализирующую (персоналистскую) и научно-генерализирующую, что (опять-таки) весьма условно соответствует делению на индивидуальную этику и социальную этику. Однако, эти различия, как и многие другие, например, различия между этикой счастья и этикой долга, оставались в рамках общего взгляда на этику как теорию морали и общего стремления дать ей общезначимую доказательную интерпретацию. Мораль

рассматривалась как нечто данное, объективированное, подлежащее осмыслению и обобщению наподобие любого другого предмета. Если речь шла о моральном поступке, то он становился предметом этики в поддающихся фиксации и описанию аспектах – мотивах и результатах. Если речь шла о нормах, то на первом плане был вопрос об их общей природе и обязывающей силе по отношению к индивидам. Индивиды, отношения между которыми призвана была цементировать мораль, рассматривались как единицы, равноценные в стремлении каждого из них к своему благу, и сами их отношения выступали как самостоятельное благо. Этика подключилась к размышлениям над проблемой, которую решали индивиды в реальном опыте совместной жизни, а именно, как собственные, каждый раз индивидуальные стремления к благу соединить с обязывающим общим благом, подвести под него. Она претендовала на то, чтобы быть авторитетной нейтральной инстанцией в вопросах морали, научить людей правильной стратегии общественного поведения, выступая от имени добродетельной личности, мудреца, идеального царства, безопасного и гармоничного социума.

Этика столкнулась с рядом дилемм, свидетельствовавших, что моральные проблемы не могут быть решены на избранном ею пути научной (теоретической) интерпретации. Назовем только некоторые из них.

– Взгляд на мораль как на некую данность предполагал, что ее необходимо вписать в причинность мира, подвести под ее мотивы и нормы некое основание, санкционирующее их легитимность и объясняющую их обязательность. Но это противоречило исходному замыслу, исходящему из самооценности морали, исключающему саму идею обоснованности морали.

– Основной вопрос морали по Канту звучит так: «Что я должен делать?». Не только по Канту, но и по существу, если что и интересует человека в морали, то именно это. Индивид в морали хочет говорить от своего имени, в первом лице. Но этика и в прошлом, и в настоящем отвечает на другой вопрос: «Что ты должен делать?», «Что вообще должен делать человек, чтобы соответствовать своему назначению, общему благу и т. п.?». Она имела дело с абстракцией человека, а не с живым действующим индивидом.

– Движущей силой морали является практический разум. Этика же, формулируя общие каноны поведения, будь то нормы, добродетели, оценочные критерии, подменяет его теоретическим разумом, говоря о том, что такое лучшее, в то время, как от него ждут ответа на вопрос, как выбрать лучшее.

– К тупикам, к которым приходит этика, надо добавить и проблему свободы воли, саму ее установку объяснить, что это такое и доказать ее существование, хотя очевидно, что доказанность существования свободы воли означала бы, что ее на самом деле нет.

Этика объективирует мораль, смотрит на нее извне, со стороны, с точки зрения общего, в то время как она принципиально субъективна, субъектна, персональна; она рассматривает моральную проблему как научную, в то время как она на самом деле является экзистенциальной. Она имеет дело со следами метеорита и его разбросанными на земле кусками, а не с самим летящим сверху завораживающим огненным потоком. Ученый-этик говорит о морали, вынося самого себя за скобки, как если бы сам он самим этим якобы нейтральным

взглядом не выражал определенную моральную позицию людей и институтов, которые хотят заниматься чужими проблемами вместо того, чтобы заниматься своими. Вся история этики в той мере, в какой она закономерно пришла к сегодняшнему состоянию, подводит нас к мысли, что для адекватного понимания морали надо сменить метод и от рассуждения в третьем лице перейти на разговор в первом лице, от познания морали перейти к ее самосознанию, от науки о морали перейти к философии морали.

* * *

Чтобы понять мораль как дело философии, практический разум, надо саму философию понять как моральную позицию, точку зрения практического разума. Никто не спорит, что философия, будучи родом познания мира, рассматривает также вопросы смысла человеческой жизни. Весь вопрос в том, как соотносятся, связаны между собой эти аспекты: что тут первично, знание о мире или наша жизненная позиция по отношению к нему. Известно трехчастное деление философии на физику, логику, этику, исчерпывающим образом задающее ее общую структуру. Этика в ней рассматривалась в качестве последней, итоговой, третьей ступени лестницы, Декарт расположил ее на ветвях дерева, корнем которого является метафизика, а стволом физика. В каком смысле этика является третьей ступенью, в том ли смысле, что мы ее достигаем только после того, когда мы пройдем первые две, как, например, десерт, который мы получаем в качестве третьего блюда. Кажется, именно так, как правило, и понимается место этики в философии, так она, в частности излагается в наших курсах, следуя за онтологией и гносеологией, и именно из такого понимания выросла этика как особая наука о морали; отсюда и представления о ценностной нейтральности знания. Но можно ведь этику понимать как третью последнюю часть в смысле цели, которая будучи конечной в реальности, является начальной в деятельности и указывает путь, по которому надо идти, чтобы ее достигнуть. Чтобы этика оставалась третьей частью философии, ее выходом в практику, сама философия должна быть родом практики, этическим проектом. Такой взгляд мы находим в философии поступка Бахтина, или, выражаясь более осторожно, в том, как можно понять его философию поступка.

Особо следует подчеркнуть: философия поступка Бахтина – не просто учение о поступке, она претендует на то, чтобы быть первой философией. Поступок есть категория практического разума, не одно из проявлений (характеристик) человека, а присущий ему способ бытия. Мир и собственное бытие в нем дан человеку как возможность, которую он своей жизнью переводит в действительность. Бытие человеку не дано, а задано. У человека нет алиби в бытии, он находится в участливом отношении к нему и должен с ним что-то делать, придать ему определенность, должен поступать, не может не поступать, «должен долженствовать», ибо это и есть способ его жизни. Более конкретно: а) в человеке все есть поступок, и мысль, и чувство, и дело, любое проявление его активности – осознаваемая жизнь, взятая в каждый ее данный момент; б) поступок обращен в будущее, он есть то новое, что человек привносит в мир и что он делает с миром; в) поступок индивидуален, единственен, он

совершается данным конкретным индивидом, с места, которое только он занимает в данном пространстве и времени, и потому не может быть совершен никем другим; г) у истоков поступка стоит живой индивид, не субъект, не разумное существо, не представитель рода и т. п., а этот живой наделенный сознанием имеющий собственное имя индивид в нерасчлененном единстве всех своих сил, благодаря которым он живет, он – не тот, кто совершает поступок, а тот, кто осуществляется в поступке, его нет до самого поступка, как и самого поступка вне него; д) поступок есть единство индивида (жизни) и мира (культуры), он развернут в две стороны – в действующего (поступающего) индивида, от которого зависит сам факт поступка, его бытие в мире, и в мир, который определяет содержание поступка, придает ему смысл, поступок существует в целостности, единстве обоих аспектов; е) целостность поступка не достигается при движении от содержания поступка к нему как факту, ибо объективная необходимость поступка не влечет за собой его субъективную необходимость (из понятия любви не объяснить, почему Дездемона полюбила Отелло), но факт поступка с необходимостью включает в качестве приобщенного момента его содержание, является первичным по отношению к нему (полюбив Отелло, Дездемона вступает в пространство любви, пользуясь имеющимся там опытом, и сама обогащает его).

Единство, целостность поступка достигается его ответственностью. Не той ответственностью, которую мы знаем по словарям и учебникам, когда кто-то отвечает перед кем-то (гражданин перед законом, сын перед отцом, муж перед женой, моральный индивид перед общественным мнением и своей совестью, депутаты перед избирателями и т. д.), хотя и она входит в содержание поступка в качестве одного из моментов, а особой ответственностью, которая имманентна самому поступку, составляет его человеческое ядро. Живя, мы поступаем и, поступая, живем. Поступок совершается окончательно, безвозвратно, он есть момент самой жизни, подобно тому, как, питаясь, мы поддерживаем себя физиологически, так, поступая, мы живем человеческой (осознанной) жизнью. Поступая, мы ставим на кон свое человеческое достоинство, а разве есть более высокая инстанция ответственности, чем достоинство жизни, перед которой мы могли бы держать ответ?! В соответствии с двучастностью поступка ответственность также двояка: нравственная ответственность за факт поступка и специальная ответственность за содержание поступка. Соотношение между ними такое же, как между фактом (бытием) поступка и его содержанием: специальная ответственность является приобщенным моментом нравственной ответственности. Собственно, решаясь на поступок, индивид лишь специализирует свою ответственность, берет на себя ответственность и за его содержание, Одно не существует без другого: это значит, что индивид ответственен за все, что он совершает, за все мысли, суждения, чувства, дела, взгляды, саму жизнь свою на том единственном и не отменимом основании, что это *его* мысли, *его* суждения, *его* чувства, *его* дела, *его* взгляды, *его* жизнь. Все, про что он может сказать «мой», а это он может и обязан сказать обо всем, с чем он связан своими поступками, что входит в сферу его нравственной ответственности, и не по его выбору, желанию, а по необходимости существования, в силу того безусловного факта, что у него нет алиби в бытии.

* * *

Хотя у поступков нет общих определений и каждый из них сам по себе, у всех у них есть общая архитектоника, они все имеют одну конструкцию, построены по одной схеме отношений: я и другой. В нравственной вселенной Бахтина центром, солнцем, является я, из него исходят все лучи. Другие – это своего рода планеты, они светят отраженным светом солнца. Другой – это не то же самое, что я, он именно другой, более того, он – не-я. Они принципиально разнозначны, не могут быть уравнены, ибо для этого понадобился бы третий, что вывело бы из пространства поступка, а я и другой из единственных превратились бы в единичных, они также не взаимны, так как для взаимности требуется опосредующая норма. Их отношения однонаправлены: от я к другому, завязаны на центр. «Отношение “я и другой” абсолютно необратимо и дано раз и навсегда»⁴. «Эти моменты: я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого: все ценности действительной жизни и культуры расположены вокруг этих основных архитектурных точек действительного мира поступка»⁵.

Поступок единственен, но это не значит, что поступающий одинок. Со всем наоборот: так как поступок, упираясь одним концом в индивида, в «я» (в «я» не как синоним самосознания, не как рационального субъекта, в «я» как непосредственного живого поступающего индивида), другим укоренен в мире других людей. Тем самым он изначально и бытийно связан с другими людьми. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия, говорит Бахтин. Общественная природа человека – не вторичный результат деятельности индивидов, как бы эта деятельность ни истолковывалась, а первичный факт, особенность его способа существования. Связь: я и другой (другие) – не результат этических решений, а изначальная нравственная заданность бытия индивидов, которые вне этой заданности вообще не существуют (не путать с социологической проблемой общения индивидуализированных обществ Нового времени). Характер этой связи задается структурой поступка, а именно, я находится в центре, само является центром события бытия, всей новой конфигурации мира, которая создается поступком, другой вторичен, произведен, соединятся с я благодаря содержанию, смыслу поступка. Хотя центральной точкой в линиях «я и другой» является я-для-себя, это ни в каком смысле нельзя понимать как эгоизм. Это означает лишь то, что я живет из себя, являясь центром, организующим событийную определенность бытия. Полнота жизни из себя реализуется в позиции, которую Бахтин называет абсолютным себя исключением.

Поскольку поступок (каждый поступок!) единственен, единственность – его базовая характеристика, то его нельзя обобщить, схватить в понятие, сделать предметом теории, научного обобщения, все эти процедуры элиминируют индивидов в их единственности. Сказанное не означает, что о них нельзя говорить, говорить можно, но не описательным, обобщающим безличным языком, а языком ситуативным, взятом во всем богатстве понятийных, образно-выразительных и эмоционально-волевых средств.

⁴ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 130.

⁵ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 49.

* * *

Таким образом, философия представляет собой взгляд на поступок изнутри, позицию самого поступающего, как если бы поступающим был сам философ, она рассматривает поступок в его персонально выраженном генезисе и единственности, в качестве индивидуально ответственного способа бытия в мире, который определяется, не выбирается, а именно определяется, жестко и однозначно задается онтологическим статусом человека. Философия поступка утверждает деятельный характер бытия человека, примат практического разума перед теоретическим и выступает в качестве первой философии, которая тем самым оказывается нравственной. Нравственная философия исходит из того, что само бытие человека в силу индивидуально выраженной его единственности во всех моментах жизни является ответственным и не может не быть таковым. Она отличается от этики, которая руководствуется канонами научной рациональности, имеет дело с уже совершенными, объективированными поступками, смотрит на них извне, сквозь призму понятий добра и зла, выражает точку зрения общественной морали. В составляющем суть нравственности отношении я – *другой* этика заявляет себя в качестве третьего, претендуя на роль объективного арбитра между ними. Этим – тем, что этика привносит в отношения «я и другой» третьего («правильный взгляд», «общее благо», «универсальную норму» и т. п.), а нравственная философия не допускает между «я и другой» никакого зазора, ибо у «я» нет алиби в бытии, позволяющего ему оторваться от «другого», взглянуть на него со стороны – именно этим отличается нравственная философия от этической теории. Первая, нравственная философия, говорит от имени первого лица, о том, что я должен делать, что я должен долженствовать, она утверждает меня в моей спонтанной жизненности; вторая, этическая теория, говорит о том, что мы должны делать в соответствии с общими понятиями и канонами, которые предписывает наука в соответствии со своей объективной теорией. Первая смотрит на мир и культуру изнутри необходимости моей единственной жизни, вторая смотрит на мою жизнь извне, из того, что кто-то считает правильным для меня. Первая ставит на кон меня самого и само бытие раскрывает как персональную ответственность, вторая учит, как быть рациональным и осуществлять правильный выбор. Первая ставит меня в центр, вынуждая жить из себя, вторая учит уравнивать себя с другими, соразмерять свое благо с благом других.

Список литературы

- Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
- Гусейнов А.А., Разин А.В., Бродский А.И., Лобовиков В.О., Апресян Р.Г., Гельфонд М.Л. Философская этика и её перспективы в современном мире (Круглый стол к 10-летию еженедельника «Этическая мысль») // Этич. мысль / Ethical Thought. 2012. Вып. 12. С. 5–71.

Moral Philosophy and Ethics: the Demarcation Line

Abdusalam A. Guseynov

Institute of Philosophy, RAS. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: guseynov@iphras.ru

The paper proposes an idea that moral philosophy and ethical theory congruent with each other in their subject, but differ in their methods: the first one grasps a human act from the inside in its primary moral genesis, while the second one studies morality in its outward objectified forms. The author bases this view on his own interpretation of Mikhail Bakhtin's moral philosophy, presented in his early works *Toward a Philosophy of the Act and Author and Hero in Aesthetic Activity*. The opposite sides of an act, which takes root in the living individual with one side and in culture with another one, acquire the inner character and entirety through the personal moral responsibility.

Keywords: moral philosophy, ethics, act, responsibility, Mikhail Bakhtin

References

Bakhtin, M.M. "K filosofii postupka" [Toward a Philosophy of the Act], in: Bakhtin M.M. *Sobr. soch. 7 t.* [Collected Works, 7 vols.], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 7–68. (In Russian)

Bakhtin, M.M. "Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti" [Author and hero in aesthetic Activity], in: Bakhtin M.M. *Sobr. soch. 7 t.* [Collected Works, 7 vols.], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 69–263. (In Russian)

Guseinov, A.A., Razin, A.V., Brodskii, A.I., Lobovikov, V.O., Apressyan, R.G., Gelfond, M.L. "Filosofskaya etika i ee perspektivy v sovremennom mire (Kruglyi stol k 10-letiyu ezhegodnika «Eticheskaya mysl'»)» [Philosophical Ethics and Its Perspectives in Modern World: Round-table To the 10th Anniversary of the Yearbook, Eticheskaya Mysl (Ethical Thought)], *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2012, no. 12, pp. 5–71. (In Russian)